

Любопытно, что схожим образом складывалась и судьба «владимирского Яхонтова» — Неофита Владимировича Малицкого, также происходившего из духовного сословия, обучавшегося в семинарии, ставшего в советские годы создателем архива и музея в соседней губернии, арестованного и осуждённого по «делу краеведов» и уже не вернувшегося к активной деятельности. Но именно благодаря ему во Владимире уцелели многие уникальные документы (в том числе относящиеся к XVI в.), а Государственный архив Владимирской области является одним из наиболее богатых источниками в провинциальной России.

Фёдор Гайда: Подвиг энтузиаста

Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow): Enthusiast's feat

DOI: 10.31857/S086956870017205-6

В течение всей своей долгой жизни С.Д. Яхонтов сохранял удивительное здравомыслие, осмотрительность, критичность, оставаясь при этом настоящим энтузиастом, преданным своему делу и идеалам. Будучи выходцем из духовной среды, выпускником рязанской семинарии и Московской духовной академии, преподавателем истории в учебных заведениях Рязани, он во многом разделял славянофильские взгляды. В 1877—1878 гг. его увлекали речи И.С. Аксакова (I, с. 775), в 1914 г. к войне он отнёсся «патриотически» (I, с. 899). Став в 1906 г. одним из организаторов местного отдела «Союза 17 октября», он уже в следующем году, разочаровавшись в работе Думы, вышел из партии и навсегда потерял интерес к политической деятельности (I, с. 567).

В 1883—1915 гг. основным занятием Степана Дмитриевича являлось преподавание в Рязанской духовной семинарии. «Бывало, идёшь в класс, — вспоминал он, — несёшь уйму новых сведений из истории, знаешь, что их тотчас же подхватят, поймут твои выводы, заинтересуются и в тот же или на следующий урок поставят тебе вопросы, которые обнаруживают, что брошенные тобой мысли прошли чрез хорошую мозговую работу. Ну как же в такую плодородную почву не бросать с увлечением хорошие семена! И я работал и работал. С затхлыми сведениями и взглядами в класс не являлся. Я рвался из сил овладеть современной историей и её вспомогательными дисциплинами, чтобы принести всё это в класс» (I, с. 457). Вместе с тем Яхонтов видел, что «семинарии [18]70—[18]80-х годов как будто изменяли сами себе: лучшие ученики покидали её и валом валили вон, в светские учебные заведения». «Сказать по правде, — признавался он, — обидна была для церкви, в узком, конечно, смысле, потеря лучших сил, возвращённых однако же на её средства (тоже в неточном смысле). И вот, с воцарением Александра III, сделана была попытка сначала урегулировать этот поток, а потом и совсем запрудить его». По мнению Яхонтова, «подходящий человек для того был налицо — [К.П.] Победоносцев». Более того, «лучшего человека и выбрать было нельзя. И если дело церкви не получило надлежащего лечения, то не Победоносцев тут виноват, как не виноват царь, что только взнуздal Россию, а не избавил от воздействия современности». В результате преобразование семинарий не только не способствовало «борьбе с тем ядом, который уже действовал в церкви и её школе — с времён реформ Толстого», но лишь ожесточило семинаристов, которым затруднялся доступ в университет (I, с. 475). Одновременно с 1890-х гг. в духовных учебных заведениях усилился «формализм», увеличилась дистанция между учащими

и учащимися, «ученички стали мельчать», а «бесцветность нарождалась» (I, с. 457—458).

И постепенно «как в гимназиях привилегированных изуродованный классицизм сулил тип “белоподкладочника”, так и в семинариях нарождался тип попа велосипедиста и вальсёра. Этот тип проявился предо мною на епархиальном съезде 1917 года в Рязани. Тут предо мною явились созревшие фрукты “красного духовенства”, ещё не оформившееся обновленчество» (I, с. 474—475, 477). Так или иначе, в начале XX в. «революция настигла семинаристов, когда они уже перестали быть семинаристами, так же, как и духовенство наше, когда оно само себя уже упраздняло и как сословие, и от служения алтарю» (I, с. 457).

Отношение к Февральской революции 1917 г. у Яхонтова было вполне трезвым. «У меня и мне подобных была только сумма разных чувств и дум, — вспоминал он позднее. — В смутном настроении проносилось: неудачный ход войны, который не мог быть удачным оттого, что “знамя пало”; правление государством не могло быть лучшим оттого, что ярлык другой пришьют; ведь правление — это суть люди, а они не переделались вдруг. Кто такое Временное правительство? С какого неба оно свалилось? Кто их знал? Знаем мы “общественное благо”. Отдельные личности могут быть такими друзьями человечества, но целая ватага? — позвольте не верить. А теперь и вовсе “мутная вода”. В ней действуют борьба честолюбий, борьба за власть, за “Я”. Этим временем пользуются эгоисты и проходимцы. Вместо “тебя” — “Я”! Посмотрите, кто в Наполеоны полез, — Керенский — ничтожнейшая личность с точки зрения самоотречения от личных выгод... И вообще-то в правительстве так, а в республиканском — это общее правило. Волчьи аппетиты! Растравливание аппетитов — общее руководящее правило, когда призывается к власти весь одурачиваемый народ. Этими временами пользуются все недовольные, все честолюбивые, все мстящие, все хулиганящие, все посягающие на чужое, всё порочное, всё самомнящее, всё распущенное, всё фальшивое, и т.д., и т.д., — вся накипь, всё лезет наверх, всё требует себе куска, места, — это буря страстей, которая создаёт хаос не только государственный, общественный, но духовный, нравственный. Оттого в революции гибли не только государства, но и народы. Не всегда сразу, но выпущенные язвы приводили к концу» (II, с. 16).

В целом, по оценке Яхонтова, «беспокойный и подвижный был [19]17 г., но и легкомысленный. Духовенство, раз уже сдвинулось со своего места, остановиться не могло» (II, с. 59). Сам же Степан Дмитриевич, сохраняя верность традиционной церковности, погружался в водоворот нестроений епархиальной жизни, оказавшейся под сильным влиянием внешней среды. Владыка Дмитрий (Сперовский), занимавший рязанскую кафедру с 1911 по 1917 г., казался Яхонтову образцовым архипастырем. Придерживаясь консервативных взглядов, преосвященный критиковал «немцев», «евреев» и разнообразные общественные пороки, связывая с ними нараставшее в народе нравственное разложение и приближение революции. Яхонтову во многом импонировала такая позиция. Однако архиерею угрожали физической расправой, и в июне ему пришлось уйти на покой и уехать в Москву.

Тем временем в первые месяцы после краха старого порядка, наполненные повышенной театральностью, по всей стране проводились съезды православных приходских советов, подражавших рабочим и крестьянским депутатам. Учебный процесс в семинарии и училище прекратился, при этом появились «пастырские курсы» с вольным составом преподавателей, ничему толком не учивших. До избрания нового предстоятеля епархией и её хозяйством несколько

месяцев распоряжался «исполком» («епархиальное бюро»), состоявший из городских клириков (II, с. 52—58).

Нового епископа избирал епархиальный съезд, депутатом которого стал и Яхонтов. «Когда я попал в эту гущу “распоясывавшегося” рязанского духовенства, — вспоминал позднее Степан Дмитриевич, — я очень опечалился. Люди почтенные, из духовенства, позволяли себе, не стесняясь, пред всеми, глумиться над своим сословием и над порядками церковными; не разбирали выражений, унижающих православие. Духовенство с внешней стороны вело себя, как в кабаке: хаяли сами себя, гоготали мальчишески, топали, необузданно восторгаясь ораторами с кафедры, метавшими грома и молнии на свою же церковь, — не стыдились своих же прихожан, мирян, с которыми приехали. Я был свидетелем издевательских острот одного почтенного годами и наукой протоиерея, и мои симпатии к нему кончились. Особенно этим манером отличались дьяконы и псаломщики, попавшие в съезд. Грустно! У меня тогда же составилась какой-то внутренний, безответный приговор: не такому духовенству спасать страждущую церковь!». Между тем «много вопросов обсуждалось: о дележе доходов, о делении на приходы (кто где живёт — новый принцип), об издании своей газеты — “Голос свободной церкви”; об открытии пастырских курсов; об учреждении при епископской церкви епархиального совета в помощь епископу; о финансовом состоянии Рязанского духовного училища — смета на его содержание и др.». Яхонтова, несмотря на его критическое отношение к большинству, выбрали председателем ревизионной комиссии съезда, членом епископского совета и уполномоченным от мирян Рязанской епархии на Всероссийском соборе (II, с. 57—58). Впрочем, попытки восстановить финансовую дисциплину вскоре вызвали конфликт между ним и рядом влиятельных фигур, захвативших в свои руки местные церковные средства.

В новые епископы съезд большинством голосов выдвинул смотрителя Сапожковского духовного училища архимандрита Серафима (Руженцева), происходившего из придворного духовенства и долгое время служившего в Стрельне. Там он приобрёл барские замашки, но с началом революции быстро перешёл «на новые рельсы» и в борьбе за кафедру развернул масштабную предвыборную кампанию под демократическими лозунгами. Яхонтов считал его авантюристом и поддерживал меньшинство, сплотившееся вокруг викарного епископа Михайловского Павла (Вильковского). В результате Синод направил в Рязань комиссию, которой пришлось отменить выборы³. С. Руженцев стал в дальнейшем одним из основателей обновленческого раскола 1922 г.

Вскоре после падения Временного правительства и избрания патриархом Тихона (Беллавина) из Москвы в Рязань прибыл архиепископ Иоанн (Смирнов), управлявший затем епархией вместе с епископом Павлом. Однако её продолжало лихорадить: созданный для решения дел «на новых началах» церковно-епархиальный совет оказался завален доносами и клеветами. Возникшая в 1917 г. газета реформистски настроенных священников «Голос свободной церкви» активно боролась с консервативными архиереями. Желая ободрить верующих, владыка Павел организовал «христианские вечера», где читались лекции и проходили концерты духовной музыки. Устраивались и общегородские крестные ходы. Благодаря усилиям «терпеливого» архиепископа Иоанна и деятельного епископа Павла, по словам Яхонтова, в 1918—1919 гг. духовенство

³ Гераськин Ю.В. 1917 год и ситуация в Рязанской епархии // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 1. С. 69—72.

«несколько отрезвилось» и «в Рязани выдвинулось несколько ораторов, которые звали народ к церкви и христовозветной старине» (II, с. 59—65).

С началом открытых гонений ситуация резко изменилась. Ещё в 1918 г. красноармейцы разогнали епархиальный съезд. В 1920 г. комиссар юстиции Якубовский подверг погрому архиерейский дом, сопровождая насилие демонстративным кощунством над Святыми Дарами (II, с. 65—67). Сменивший в том же году скончавшегося владыку Иоанна архиепископ Вениамин (Муратовский) проявил себя слабым и уступчивым человеком. Паства не любила его, доходило даже до публичных оскорблений, которые архиерей пропускал мимо ушей (II, с. 67—69). Кампания по изъятию церковных ценностей не встретила с его стороны никакой критики, он не только сохранил полную лояльность, но и всячески содействовал варварским действиям властей, сопровождавшимся многочисленными хищениями. Так, члены комиссий открыто ходили с украденными перстнями на руках (II, с. 219—227). Яхонтов утверждал, что своей мягкостью и беспринципностью преосвященный Вениамин фактически подготовил епархию к обновленческому расколу (II, с. 639), к которому и сам позднее присоединился.

Яхонтова также пытались привлечь к раскольнической деятельности. В 1922 г. его вызвали в рязанский окружной отдел ОГПУ и предложили ему как лицу, пользующемуся авторитетом в среде духовенства, возглавить новый печатный орган и развернуть агитацию за «церковную революцию». Степан Дмитриевич отказался (II, с. 207—208). Он был гораздо ближе к занявшему в 1923 г. кафедру архиепископу Борису (Соколову), который решительно и бескомпромиссно боролся с обновленцами и «был боец за правосл[авную] церковь: не капитан, не полковник, а генерал боевой» (II, с. 640). Владыка неоднократно подвергался арестам и высылкам из Рязани, но продолжал руководить епархией по переписке до своей кончины в 1928 г. В условиях, когда в церковной среде упорно толковали о том, что власти убили патриарха Тихона, это требовало немалого мужества (II, с. 65, 218—219).

В начале 1930-х гг. последовала новая волна гонений: храмы сперва сдавали в аренду общинам верующих, затем закрывали под предлогом создания клубов и столовых, ломали на кирпич или передавали обновленцам. Быстро исчезали и домовые церкви. Запрещалось собирать средства на нужды епархии и ремонт городского собора, пока в нём ещё совершались богослужения. К концу десятилетия в Рязани из 32 храмов действовал только один, не считая обновленческих (II, с. 485, 726). Кражи церковного имущества никогда не раскрывались. Население в массе своей уже относилось к происходившему равнодушно, как к чему-то неизбежному. В 1936 г. был арестован и в 1937 г. расстрелян архиепископ Ювеналий (Масловский), прославленный позднее как священномученик (II, с. 478—479, 650—666). Кафедра не замещалась до лета 1942 г.

Подобное торжество материализма и социализма удручало Яхонтова. «Материалист — тот же кальвинист, — писал он в дневнике в 1933 г., — только без Бога. Человеч[еской] личности нет. Человек — продукт среды и за свои поступки не отвечает. Не он творец жизни, а наоборот, экономич[еские] законы определяют его. Достоев[ский] говорит: “У них не человечество, развившись историч[еским] живым путём до конца, само собою оборотится, наконец, в нормальное общество, а напротив, социальная система, выйдя из какой-либо математической головы, тотчас же устроит всё человечество и в один миг делает его праведным и безгрешным, без всякого исторического и живого пути”. Мёртвая доктрина». Сам же Степан Дмитриевич полагал, что «экономических

законов самостоятельных и экономич[еской] необходимости нет, а все явления экономич[еского] порядка мыслимы только как деятельность человека, существа нравственного и способного подчинять все свои действия [мотивам] чистого добра. Самостоятельный и безусловный для человека [закон] один — нравственный, и необходимость одна — нравственная». При этом «социал[изм] стоит на одной и той же почве с мещанским царством — на почве господства материального интереса. Как у капиталистов человек берётся лишь как экономич[еский] деятель: у одних экономич[еский] материал — капитал меньшинств, а у других — интерес рабочего, который такой же своекорыстный и не выше противников своих» (II, с. 706—707).

В столь неблагоприятных и даже враждебных условиях жизнь Яхонтова становилась настоящим подвигом. Со свойственным ему энтузиазмом в послереволюционные годы он берётся за устройство в губернии архивного и музейного дела. Собственно археологический музей появился в Рязани ещё в начале XX в., а Степан Дмитриевич заведовал им с 1905 г. В 1911 г. при содействии епархиального начальства Яхонтов создал и церковный музей, где хранились облачения, утварь, старинные иконы. Тогда же начались реставрационные работы (II, с. 70—85). Сохранение этого достояния после 1917 г. требовало невероятных усилий. Вместе с тем музейные фонды пополнялись ценностями, поступавшими из разорённых усадеб, монастырей и храмов. В конце 1920-х гг., когда многое уже было сделано, Яхонтову довелось пережить ещё более суровые испытания и невзгоды: арест, увольнение, нищету, болезни и немощь. За несколько месяцев до его смерти к этому добавилась и война, которая воспринималась им как неотразимое возмездие, сулившее неминуемую гибель безбожному государству и общественному строю. Падший мир погибал, а умиравший старик тем временем всё острее ощущал, ожидал и пронзительно описывал приближение — уже не столько врага, сколько вечности.

Олег Милевский: Элегия о провинциальной России

Oleg Milevsky (Surgut State Pedagogical University, Russia): Elegy on provincial Russia

DOI: 10.31857/S086956870016613-5

Региональная история в России активно развивается. В силу громадных расстояний между столичными архивами и большинством университетских городов именно локальные сюжеты всё чаще привлекают внимание исследователей и обогащают отечественную историографию. Благодаря подвижнической деятельности учёных и архивистов за последние годы российское научное сообщество получило ряд новых и весьма важных источников. Выяснилось, что в провинции хранится масса интересного и ещё не опубликованного материала. В губернских городах Российской империи тоже текла научная жизнь, работали весьма даровитые историки, краеведы, этнографы, старательно изучавшие и сберегавшие памятники родной старины.

Воспоминания С.Д. Яхонтова, бывшего одним из них, поражают своим объёмом, охватом огромного временного периода и многообразием сюжетов, затрагивающих разные стороны и пласты жизни русского общества. Это действительно завораживающее, часто очень грустное, а местами страшное повествование о судьбе провинциальной России начала XX в., полностью изменившей свой облик под влиянием войн и революций. Автор с горечью наблюдал, как «новые города строятся на новых местах, а мы столетние исторические города переделываем по нашей фантазии: ломаем исторические здания, чтобы